

Оптика Библии: Бог во мраке или в свете

Цвета в Античности

В древнегреческой литературе цвета, которыми наделяются некоторые предметы и люди, иногда кажутся нам неподходящими, на первый взгляд, для тех атрибутами.

Влюблённая Сапфо становится «зеленой травы» (χλωροτέρη δὲ ποίᾱς), у нас девушки в подобных случаях вслед за Татьяной Лариной, чьи «<...> ланиты мгновенным пламенем покрыты», обычно краснеют.

Зелёный ужас

«<Бледно-зелёный ужас>» (χλωρόν δέος) охватывает гомеровских героев, в то время как пушкинский Гирей в «Бахчисарайском фонтане» «бледнеет, будто полный страха».

Багряное море

У Алкмана чудовища спят в глубинах «багряного моря» (ἐν βένθεσι πορφυρέας ἄλος (Fr. 89), а пушкинский старик пустил золотую рыбку «в синее море».

Жак Шамп (Schamp)

«Вода может быть как белой, так и чёрной: в одном случае она чистая и спокойная, в другом — глубокая, загадочная и волнующаяся. Короче говоря, у греков яркость предмета, по видимому, имела большее значение, чем, например, сам цвет (**l'éclat** d'un objet semble avoir eu plus d'importance que, par exemple, la teinte proprement dite). Так, в древние времена у них не было термина для обозначения зеленого и синего, но они были более чувствительны к блеску и мерцанию вещей (**au brillant** et **au miroitement** des choses)».

Микела Сасси (Sassi)

«porphureos не только не соответствует какому-либо определенному оттенку, поскольку находится на границе между красным и синим (в ньютоновских терминах), но и часто применяется к объектам, которые не кажутся прямо “фиолетовыми”, как в случае с морем. <...> Когда море называется porphureos, то описывается смесь яркости и движения, меняющаяся в зависимости от условий освещения в разное время дня и при разной погоде <...>. Porphureos передает это сочетание яркости и движения – хроматический термин, который невозможно понять без учета эффекта мерцания (the glimmer effect)».

Эдмунд Феккенштедт (Veckenstedt)

«Таким образом, фиолетовый изначально является мерцанием цвета» (Purpur ist also ursprünglich der **Schimmer** der Farbe <...>)

Питер Гейнсфорд (Gainsford)

«Английский 'blue' охватывает огромную область палитры. Греческий делит его на несколько более мелких областей: *glaukos* — для более светлых, неярких оттенков (*non-vivid shades*); *kyaneos* для более темных, неярких оттенков, вплоть до черного; *porphyreos* для ярких оттенков (*vivid shades*) от синего до фиолетового и рубинового, а также для менее ярких оттенков в середине этого диапазона (светло-пурпурный, розовый); *lampros* для металлически серебристой лазури».

Свет

«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы (אור) (Быт. 1:4).

Христос называет Себя светом миру (Ин. 8:12).

Свѣте тихій Φῶς ἰλαρόν

Свѣте тихій сѣѣа славы, безсмѣрнаго,
оца нбнаго, сѣаго блженнаго, иже хрѣте:
пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ
вечерній, поемъ оца, сѣа, и сѣаго дха, бга.
достойнъ еси во вса времена пѣтъ быти
гласы преподобными, сѣе бжїи, животъ
даан: тѣмже мїръ та славитъ.

Мрак

Некоторые христианские авторы, например, прп. Григорий Нисский, говоря о «неприступном свете (φῶς ἀπρόσιτον)» (1 Тим. 6:16), используют вслед за книгой «Исход» термин мрак (γνόφος).

Немного иврита

«были звуки и молнии и облако тёмное (νεφέλη γνοφώδης כבד מני, *a cloud charged with rain*) на горе Синай» (Исх. 19:16).

«Моисей вступил во мрак (εἰς τὸν γνόφον, אלה-הערפל, *heavy cloud*), где был Бог» (Исх. 20:21).

«Облако (νεφέλη, מני) и мрак (γνόφος אלה) окрест Его» (Пс. 96/97:2).

Слово אלה со значением «**тяжёлое облако**» Септуагинта переводит словом γνόφος со значением «мрак».

Филон Александрийский

«Говорят, что он вошел во мрак (εἰς τὸν γνόφον), там был Бог (ἐνθα ἦν ὁ θεός), то есть в невидимую и незримую (ἀειδῆ καὶ ἀόρατον), и бестелесную парадигматическую сущность бытия (τῶν ὄντων παραδειγματικὴν οὐσίαν), постигая недоступное взору смертной природы» (*Philo. De vita Mosis I, 158*).

«<Моисей> проникнет во тьму, где был Бог (ὅπου ἦν ὁ θεός), то есть в недоступные и невидимые мысли относительно сущего. Ибо Причина <всего> не во мраке и совершенно не в месте, но превыше и места и времени» (*Philo. De posteritate Caini, 14*).

Климент Александрийский

«Моисей, убежденный, что Бог не может быть познан (γνωσθήσασθαι) человеческой мудростью, сказал: “Покажи мне Себя”; и во мрак (εἰς τὸν γνόφον), где был глас Бога (οὐ ἦν ἡ φωνὴ τοῦ θεοῦ), понуждается вступить, то есть в недоступные и невидимые мысли относительно сущего (εἰς τὰς ἀδύτους καὶ ἀειδεῖς περὶ τοῦ ὄντος ἐννοίας). Ибо Бог не во мраке или пространстве (οὐ γὰρ ἐν γνόφῳ ἢ τόπῳ [gnophōi ē topōi]), но над пространством и временем, и над характерными особенностями возникших вещей» (Strom. II, 2, 6, 1).

«Писание <словами> “Моисей вошел во мрак (εἰς τὸν **γνώφον**), где был **Бог**”, показывает способным понять то, что **Бог** невидим и невыразим словами (ἀόρατός ἐστι καὶ ἄρρήτος); мраком (**γνώφος**) же воистину является неверие и невежество большинства (ἡ τῶν πολλῶν ἀπιστία τε καὶ ἄγνοια). И вновь Орфей, богослов, говорит, отсюда <из Писания> получая помощь: “Есть один совершенный Сам по Себе, всему остальному выпало быть производным от одного” (или “родиться”; ибо и так написано). Он продолжает: “Его никто из смертных не видит, но Он видит всех”. И добавляет яснее: “Его я не вижу, ибо вокруг облако утвердилось (περὶ γὰρ νέφος ἐστήρικται). Ведь у всех смертных смертные зрачки в очах, <зрачки> малые (θνητὰὶ κόραι εἰσὶν ἐν ὅσοις μικραί), потому что плоть и кости укоренены <в смертном> (ἐμπεφύασιν)”» (Strom. V, 12, 78, 3–5).

«Итак, как стряхнувшие с себя сон сразу оказываются внутри (ἐνδοθεν) бодрствующими или, скорее, как старающиеся устранить катаракту на глазах не извне доставляют себе свет, которого не имеют, а, устраняя помеху с очей, делают свободным зрачок, так и мы при крещении, сняв с себя грехи, помрачающие, наподобие мглы (ἀχλύος δίκην), божественный дух, обретаем свободное, не встречающее препятствий, лучезарное духовное око (φωτεινὸν ὄμμα τοῦ πνεύματος), которым единственным мы созерцаем (ἐποπτεύομεν) божественное, когда с небес к нам нисходит **Святой Дух**.

Это смесь вечного сияния, способного узреть вечный свет, так как подобное любезно подобному; святое же любезно тому, от которого святое происходит, которое по праву названо светом. “Вы были некогда тьма (σκότος), а теперь — свет (φῶς) в **Господе**”. Поэтому, думаю, человек древними был назван φῶς. Но <крещеный> еще не получил, — говорят, — совершенный дар. И я соглашаюсь; однако он пребывает в свете, и тьма (τὸ σκότος) его не охватывает: нет ничего между светом и тьмой. Совершенство (τὸ τέλος) же отложено до воскресения верующих. Сие есть не обретение чего-либо иного, но получение заранее данного обетования» (Paed. I, 6, 28, 1–3).

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8).

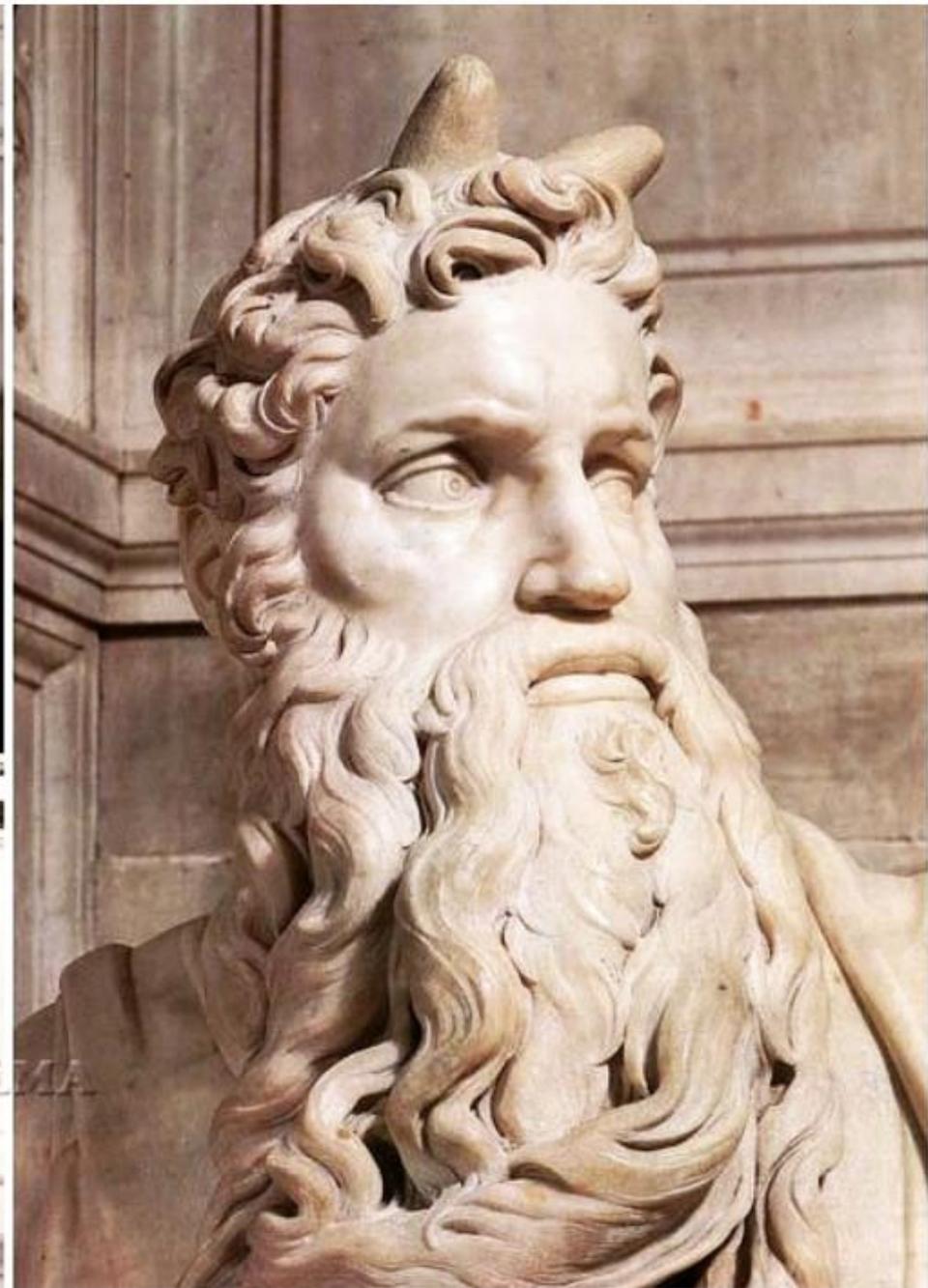
«Избранное семя мы называем “искрой”, оживотворяемой Логосом, и “зрачком глаза”, и “зерном горчицы”, и “закваской”, объединяющей в веру (εἰς πίστιν) племена, кажущееся разделёнными» (Excerpta. 1, 1, 3).

Святые логосы, по словам Климента, сокрыты от толпы, как <чёрные> угли, но видны гностикам, как <белый> град: «Давид пишет: *“темна вода в облаках воздушных, от блистания (ἀπὸ τῆς τηλαυγῆσεως) пред Ним облака прошли, град (χάλαζα) и угли огненные (ἄνθρακες πυρός)”*, уча, что святые логосы/слова сокрыты. Он намекает на то, что для гностиков они, ясные и издалека видные (διειδεῖς καὶ τηλαυγεῖς), как безвредный град, ниспосылаются от Бога; для большинства же они темны, как погасшие угли, <извлечённые> из огня, которые, если их никто не воспламенит и не зажжёт, не будут греть и не будут светиться» (Strom. VI, 15, 116, 1–2). Пс. 17:12-13.

Предварительные выводы

Восприятие цветов в древности не соответствовала нашему. Сам «<неприступный> свет» (אור) может восприниматься и как свет, и как мрак. Восприятие зависит от воспринимающего.

«Моисей **не знал**, что кожа лица его стала сиять лучами (קרן) оттого , что **Бог** говорил с ним» (Исх. 34:29).

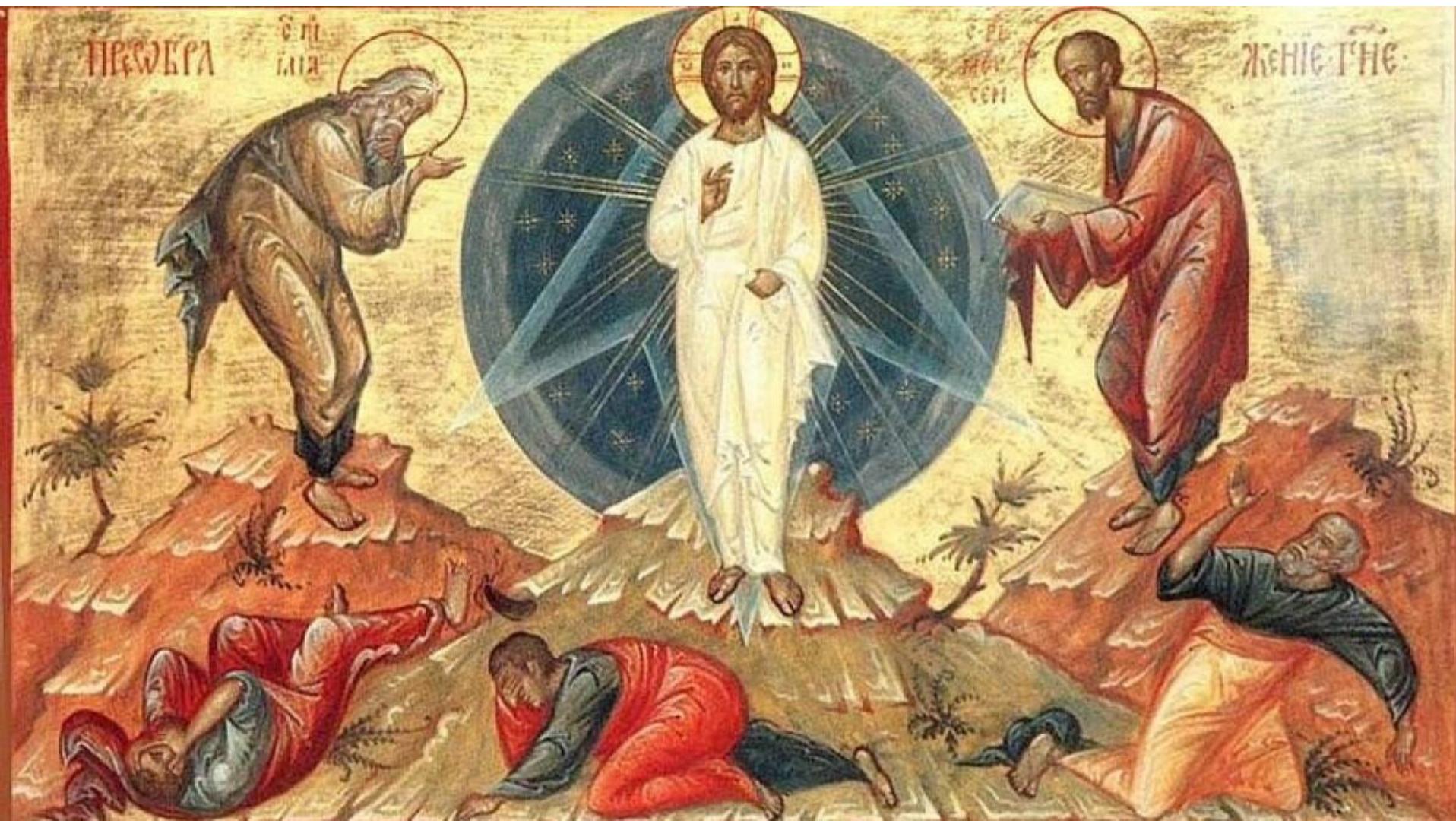
Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить.

И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с **Иисусом**.

И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшёл глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный; Его слушайте.

И, внезапно посмотрев вокруг, никого более с собою не видели, кроме одного **Иисуса** (Мк. 9:3).

Преображение

Прп. Серафим и Мотовилов

Деян. 9:3-9

Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его **свет** с неба.

Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня?

Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я **Иисус**, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна.

Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? и Господь *сказал* ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать.

Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а **никого не видя**.

Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел. И повели его за руки, и привели в Дамаск.

И три дня **он не видел**, и не ел, и не пил.

Платон

«Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройти, взглянуть вверх – в сторону света (πρὸς τὸ φῶς ἀναβλέπειν), ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше» (*Plato. Resp. VII, 515c*, пер. А. Н. Егунова).

Мф. 6:23

Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет (φῶς), который в тебе, тьма, то какова же тьма (σκότος)?

«Во свете Твоем узрим свет» (ἐν τῷ φωτί σου ὀψόμεθα φῶς) (Пс. 35:10).